

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Л. БРОДСКОГО, А. Е. ГРУЗИНСКОГО,
Н. М. МЕНДЕЛЬСОНА, Н. П. СИДОРОВА.

Выпуск 3-й.

В. ЛЬВОВ-РОГАЧЕВСКИЙ.

А. П. ЧЕХОВ

В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ
===== И ЕГО ПИСЬМАХ. =====

СОДЕРЖАНИЕ: I. Предисловие автора. II. Автобиография. III. Хронологическая канва. IV. А. П. Чехов, его эпоха, среда, личность и творчество в воспоминаниях современников. V. Письма А. П. Чехова. VI. Письма к А. П. Чехову. VII. Из записной книжки А. П. Ч.—VIII—План „Лешего“. IX.—Библиография.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Т-ва „В. В. ДУМНОВА, насл. бр. САЛАЕВЫХ“.

МОСКВА, = 1923 г.

Родина Чехова.

(Статья В. Г. Тана).

Город буйных фараонов,
Мой удалый Таганрог.

Я вспомнил это двестише из старого журнала, который мы издавали в гимназии, в шестом классе, стало быть, в 1878 году. Оговариваюсь: Антон Павлович к нашему журналу не имел отношения, тем более, что он был классом старше.

Удалый Таганрог... Современные туристы называют его «городом сумеречной жизни и хмурых людей» и стараются сблизить с ним сумерки русского духа и великую тоску А. П. Чехова.

Как таганрогский уроженец, я должен протестовать против этого сближения.

Теперь Таганрог, действительно, умер, как умерло многое. Соседний Ростов перебил всю торговлю.

Но лет сорок тому назад, в дни нашего детства, Таганрог еще доживал свою прежнюю славу.

Удалый Таганрог основан степными беглецами и морскими пиратами, вроде Ивана Варвади, ионийского корсара и русского надворного советника, у которого левое ухо было отрезано в турецком плену.

Русские фамилии: Беспрозваннов, Харцыз (по-украински—разбойник); еврейские: Непомнящий, Ганов (вор)—одна выразительнее другой.

Все племена российского юга смешались в Таганроге. Греки, армяне, евреи, «хохлы» и «кацапы», донцы, тверичане, турки-балабаки, «персюки», и многие другие. Хлеба хватало на всех. Жили между собой мирно, а ежели дрались, так дрались, любя, взаимным мордобоем. В нашей гимназии, помню, было четыре «первых силача»: Дракули—грек, Онанов—армянин, Гершкович—еврей, Гутников—русский. И в карцер попадали тоже различные нации все в перемежку без ограничительной нормы.

Жизнь протекала по своему ярко, просто и сочно. Люди попадались упрямые, с розмахом, *рыцари степные* и вместе печенег. Только на северном Кавказе, в Армавире и в Майкопе, можно встретить и теперь отблески этого буйного быта и степного приволья.

В Таганроге, на юге, у моря, родился и вырос Антоша Чехонте, юноша, полный проказ, «выдумщик с вечно играющей селезенкой», по словам сверстников, брызжащий ярким весельем.

И самые чуткие из старших современников все же упрекали его именно за это веселье, за юношескую беззаботность, за несколько легкое отношение к жизни и литературе. (Слова В. Г. Короленко).

Взгляните на юношеские портреты Чехова: открытое лицо, лукавые глаза, непокорная прядка волос над благородным лбом, а потом посмотрите на скорбные складки у рта, хотя бы на Баденвейлерском бюсте.

Это уже не Антоша Чехонте, это А. П. Чехов, позднейший, северный, это унылый Иванов, даже «Дядя Ваня», Астров и Войницкий вместе.

— Дитя мое, как мне тяжело... О, еслиб ты знала, как мне тяжело!..

Он переехал с юга на север, из Таганрога в Москву, от приазовских фараонов к диким «Мужикам» оскуделого центра, попал в «Вишневый сад», только-что вырубленный Ло-

пахиным, угодил в серую гущу тумана, в дебри неурядицы, нелепой, жестокой и нудной.

Первое время он глядит на эту нескладную жизнь удивленными глазами, почти как иностранец. Он подмечает в ней мелкие черточки, характерные, смешные, которые ускользают от наших присмотревшихся глаз, потускневших от дыма и сырости.

Винт в департаменте ночью, в четыре казенные масти... Без козыря в народном просвещении.

Это увидеть в российской казенной столице мог только молодой провинциал с степными, орлиными глазами.

А. П. Чехов мечтал перед смертью: «В Москву, в Москву!».

Но Антоша Чехонте видел вначале Москву у Успения-на-Могильцах, в Мертвом переулке, у дома чиновника Трупова.

И невольно вспоминается Гоголь, тоже выходец с теплого юга, выросший в милой Диканьке пасечником Рудым, а потом угодивший на север и расцветший и погибший...

Глаза его тоже увидели многое, незримое нам. И он засмеялся на севере уже по-иному...

«Горьким смехом моим посмеюсь...» Южное веселье становится на севере больною и горькой улыбкой.

Тан.

«Солнце России», № 228, июль 1914 г.

Комментарий

Богораз (Тан) Владимир Германович (Натан Менделевич) (1865–1936) – писатель, этнограф и лингвист (исследователь чукотско-камчатских языков, языка азиатских эскимосов, эвенского языка), общественный деятель. Учился в Таганрогской гимназии в одно время с А.П. Чеховым. По окончании гимназии в 1880 году, поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, затем перевёлся на юридический, но уже в 1882 году был выслан на родину.

С 1881 года входил в народовольческие кружки. С 1885 года примкнул к народовольческой революционной группе. Участвовал в работе тайных типографий. Неоднократно подвергался арестам; в 1889 году сослан на 10 лет в Среднеколымск.

В ссылке стал заниматься этнографией, в 1894 году Императорская Академия наук в 1894 году включила его в состав своей экспедиции (т. н. «Сибиряковская экспедиция»), снаряжённой с целью изучения жизни чукчей и других народностей Северо-Востока Евразийского континента. По окончании экспедиции Академия наук выхлопотала для него разрешение возвратиться в Петербург, а в 1900 году направила в новую экспедицию – Северо-Тихоокеанскую.

В 1896 году начал литературную деятельность, печатая очерки, рассказы и стихи. Первая книга прозы «Чукотские рассказы» появилась в 1899 году, а в 1900 году – первая книга стихов («Стихотворения»).

Варвацци Иван Андреевич (Иоаннис Варвакис) (1745–1825) – русский предприниматель греческого происхождения, капитан торгового и военного флота, активный участник греческой национально-освободительной революции. Основатель греческого монастыря в Таганроге. Дед поэта Д. П. Ознобишина.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) – русский писатель, общественный деятель. Познакомился и начал переписку с Чеховым в 1887 году.

На Баденвейлерском бюсте – бронзовый монумент, установленный в парке немецкого города Баденвайлер в 1908 году (скульптор Н. Шлейфер), по инициативе К.С. Станиславского. Это был первый памятник, воздвигнутый в память об А.П. Чехове в мире. В годы Первой мировой войны от этого памятника остался только постамент, так как сам бюст был отправлен на переплавку. На камне сохранились надписи: «Хорошему человеку и врачу» и «Великому писателю – Антону Чехову». В 1992 году на этом месте установлен новый памятник А.П. Чехову (скульптор В.Н. Чеботарёв).

Дитя мое, как мне тяжело! О, если б ты знала, как мне тяжело! – слова Войницкого, обращённые к Соне («Дядя Ваня», действие 4).

...от приазовский фараонов... – т.е. таганрогских хулиганов с Касперовки (северо-восточной окраины старого Таганрога).

Винт в департаменте ночью – отсылка к рассказу А.П. Чехова «Винт» (1884).

«В Москву, в Москву!» – отсылка к пьесе А.П. Чехова «Три сестры»:

«И р и н а. Уехать в Москву. Продать дом, покончить все здесь и – в Москву...

О л ь г а. Да! Скорее в Москву» (Действие 1).

... видел вначале Москву у Успения на Могильцах... – отсылка к рассказу А.П. Чехова «Страшной ночью» (1884).

«Горьким смехом моим посмеюся» – правильно: «Горьким словом моим посмеются» – заимствованная у пророка Иеремии (Иеремия 20:8) эпитафия на могиле

Гоголя в московском Даниловом монастыре. В искаженном виде «Моим горьким смехом посмеюся» приводится в статье В.В. Розанова «Воскресшие покойники» (Новое время. 1906. 24 июня. № 10875), а также в его рецензии «Новая книга о Гоголе» (Новое время. 1909. 24 апреля. № 11894) и статье «Загадки Гоголя» (Русское слово. 1909. 12 и 14 марта. №№ 58, 60).